СЕВЕРНАЯ БЫЛЬ

«Мы постараемся оказать этим отсталым и угнетенным, более чем мы, народам «бескорыстную культурную помощь»... т. е. помочь им перейти к употреблению машин, к облегчению труда, к демократии, к социализму».

В. И. ЛЕНИН, т. 23, стр. 55.

ИДЕМ с Николаем Степановичем с аэродрома. Разговариваем. Нас перегоняют мальчишки на велосипедах. Эту технику вместе с детскими автомобилями «Москвич», диван-кроватями и партией Дедов-Морозов только что доставил в село самолет. Детвора тут же, на посадочной площадке, «оседлала» машины и фигурировала прямо у магазина. Тайнав смеется, прищурив глаза.

Идти по селу — удовольствие. Особенно, вот таким ранним утром. Трубы на крышах будто подросли за ночь: тянутся прямыми столбами дыма к небу. Лес у реки пушист от инея. Возле большой березы, словно во сне, медленно ходят лошади. Вороны черными комками устроились на верхушках «юрт» — сооружений из дров, по форме напоминающих древнее жилье северян.

Тайнав идет легким, неслышным шагом. Для него эта прогулка — тоже радость. Тем более, что ему приходится рассказывать о своем селе. Цепкая память Николая Степановича крепко бережет интересные подробности...

ПОСЛЕ ВОЙНЫ райком партии направил Тайнава в Тымлат. О многом передумал он, пока добирался до места. Волновался перед встречей. В Хаилино, где был председателем сельского Совета, работалось легко. Местные оленеводы, охотники, рыбаки чуть ли не первыми в районе зажили дружной колхозной жизнью. В селе было много русских, готовых в любую минуту помочь и советом, и делом.

В Тымлат, из-за дальности расстояния, новое медленнее доходило. И неизвестно еще, как встретят его, чукчу.

— Коммунистов было всего двое, — вспоминает Николай Степанович. Он то и дело приглаживает короткие черные волосы с заметной сединой. — Яйнав Василий Эмильевич пользовался большим авторитетом в селе. Его избрали заместителем председателя сельсовета. Сначала ездил по юртам с ним: домов-то не было. Юрты далеко — друг от друга.

К весне нужно было создать две бригады рыбаков. Как-то подъехал Тайнав к самой дальней юрте. Едва приподнял полог, на него бросился человек с ножом. В пламени костра Николай узнал Киргинганава, дальнего родственника. Видно, затаил в душе давнюю обиду за отобранных оленей, если был зол, как рысь. Тайнав отвел руку Киргинганава и, пройдя мимо, подсел к старикам. Знал: хорошо поговоришь со стариками — дело выиграно. Все, что скажут они, молодые выполнят.

Злой родственник спрятал нож. Но и слова больно ранят. Тайнав терпел. И молчал, пока не устали языки, не успокоились у людей нервы. И тогда самый старший в юрте, сухонький коричневый старичок сказал: «Что молчишь, как хариус?».

И Тайнав, как ни в чем не бывало, стал рассказывать о самом простом, постороннем, не относящемся к делу. О кино, которое увидел в большом стойбище. О русской «кухлянке» с пуговицами, которую не умел носить. О том, как заблудился в городе.

Старики слушали молча. Потом стали посмеиваться. Незаметно Николай Степанович перешел к делу. Весной артель впервые выставила две бригады на государственный лов.

СЕКРЕТАРЮ парторганизации все реже приходилось убеждать людей в преимуществах новой жизни. Сама его биография была лучше всякой агитации. Как и многие в артели, он в детстве пас оленей богатых. Только в четырнадцать лет началась для Николая новая жизнь. В школе он прочел обращение к народам Севера, первого съезда Советов, собравшегося в Петропавловске. И особенно запомнил он несколько строк;

«Один из великих людей — товарищ Ленин — говорил, чтобы простой человек — ламут, коряк или чукча — много знал, нужно учиться. Выучится он, вернется к своим людям и будет у них работать, говорить со своими он будет на своем языке».

Николай решил учиться. Его послали в советско - партийную школу, которую открыли в Петропавловске. Затем был курсантом школы младших командиров. В родные места вернулся со знаниями, выросшим политически. Эти знания пригодились здесь, в селе, которое строилось, крепло и набирало силу.

Вскоре после объединения жители Тымлата переехали в Ачайваям на центральную усадьбу совхоза. Николай Степанович работал каюром, бригадиром. И был бессменным депутатом сельского Совета. Ездил по селам, организовывал библиотеки, контролировал работу клубов, сельских Советов, часто наведывался к оленеводам.

В 1958 ГОДУ Тайнав стал председателем сельского Совета в Ачайваяме. Село к тому времени заметно изменилось, но все-таки ему далеко до сегодняшнего. Вначале память Николая Степановича удерживала удивительные события — первый самолет, прилетевший в тундру, первый трактор, первый дом. Потом это стало привычно.

АЧАЙВАЯМ радует, как северная сказка. Среди ровной гряды сопок, среди тундрового безмолвия обнаруживаешь вдруг разноцветные домики. История этого села характерна для сел Корякского национального округа. Сначала «меховой городок», потом землянка, и вот теперь деревянные дома с благоустроенными квартирами.

В морозном воздухе улавливается смолистый запах. В селе много новостроек, в центре — двухэтажный дом быта. На окраине выросли шесть новых двухквартирных домов.

Шумят ребячьими голосами школа, интернат, детский сад. Многолюдно у клуба, сельмага. Но селу тесна и эта «одежда». И сейчас оно растет, развивается, превращается в современный рабочий поселок.

У ПРОРАБА строителей совхоза в рабочем кабинете висит генеральный план строительства нового экспериментального северного села. В условиях мерзлоты вырастет оно максимально благоустроенным: с крытыми переходами — на случай пурги, с горячей водой в каждом доме. Компактный, современный маленький городок в тундре. Руководители совхоза планируют перевести туда центральную усадьбу. Сюда же переедут жители Верхних Пахачей. Перспективы вполне реальны.

В совхозе мне назвали немало интересных цифр, перечислили фамилии лучших оленеводов. Цифры и фамилии «ожили» после рассказа Николая Степановича. Сначала он подвел меня к доске, где под стеклом были фотографии, грамоты — награды. Пахачинскому оленесовхозу. И тут же знакомил меня с людьми.

В конторе в утренние часы всегда многолюдно — осеннее время собирало в селе пастухов, бригадиров. Там я познакомилась со знаменитым чукчей Олеттыном, награжденным орденом Ленина. Тайнав заметил, что у бригадира есть отличный заместитель. Уже год самостоятельно руководит бригадой его ученик Иван Итевтегин. Добился самой высокой сохранности оленей.

Пожала я руку Сергею Калковичу Омрелькоту, добродушному, улыбчивому. Его труд тоже высоко оценен правительством — он награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Потом нас окружила в полном сборе бригада Николая Коялхота. Молодые, веселые ребята.

— Почему не в табуне?

Смеются: «Нет табуна. В Наталии остался». «О-хо-хо — шутливо качает головой бригадир, — начальник без оленей». Николай Степанович заметно гордится молодыми.

— С молодежью говорить, много нужно знать, — замечает он. — Вон Саша Кияургин, — он кивнул в сторону невысокого юноши. — Оленетехником работает. Техникум окончил. Многих послали учиться. Приедут грамотные. Читаю много, но зрение стало подводить, без очков не читаю даже письмо от дочки. Она в Петропавловске учится, в медицинском училище. Сын мой в Палане, в профтехучилище, другой — здесь, в интернате...

Рядом с селом набирает силу тополиная роща. Посажена она односельчанами Тайнава. Ачайваямцы гордятся ею. Как гордятся и всей своей радостной, трудовой жизнью.

Н. СЕЛИВАНОВА.

с. Ачайваям.